

СОДЕРЖАНИЕ

Невидимка	15
Исповедь	91
Мальчик-оса	163
Трус	239
Зубрила	267
Возвращение	327

Героем может быть любой. Даже обычный человек, который просто накидывает куртку на плечи ребенка, чтобы тот знал, что мир не погиб.

БЭТМЕН
«Темный рыцарь»

Не нужно обладать рентгеновским зрением, чтобы увидеть, что что-то идет не так.

СУПЕРМЕН

Уже больше пяти минут она стоит на углу дома на другой стороне улице, глядя на дверь и не зная, как быть: войти сейчас или вернуться завтра с теми же сомнениями.

Сделав глубокий вдох, она решается. Переходит улицу, едва оглянувшись по сторонам, и с опаской открывает дверь.

Вот и все.

Ей предлагают сесть на диван у входа и говорят, что скоро ею займутся.

Чтобы скоротать ожидание, она начинает рассматривать рисунки на стенах комнаты: такие не встретишь в музеях, но их может видеть огромное количество людей.

Но только не в ее случае. Это увидит только она и никто больше. По крайней мере, так она думает сейчас.

Через несколько минут ее приглашают в другую комнату, не такую большую, не такую светлую, более камерную...

И, войдя, она тут же видит его.

Лежащего на столе, большого — достаточно большого, чтобы закрыть собой всю ее спину, — гигантского дракона.

Ей снова объясняют этапы процесса, рассказывают, сколько потребуется времени и какую технику они будут использовать. Предупреждают, что если на обычной спине это доставляет немало боли, то ей будет больше в разы.

Она снова размышляет несколько секунд.

Решает не отступать.

Снимает футболку и брюки, затем бюстгальтер и, практически обнаженная, ложится лицом вниз на кушетку, открывая спину, один взгляд на которую вызывает нестерпимую боль. Спину, изрезанную шрамами от ожогов, тех, что росли и расползались по коже женщины, которая много лет назад, еще совсем ребенком, побывала в аду.

«Приступим», — раздается голос.

Она вздрагивает и закрывает глаза так крепко, что тут же переносится в прошлое, в тот момент, когда все случилось.

Прошло уже много времени, но ей по-прежнему тяжело и страшно думать об этом. Это невозможно стереть из памяти. За прошедшие годы она поняла, что некоторые воспоминания могут вызывать такую жгучую боль, будто все случилось только вчера.

И постепенно на этой рельефной коже, от каждого миллиметра которой веет прошлым, начинает оживать дракон.

В течение нескольких часов ее сознание путешествует из настоящего в прошлое и обратно, как маленькая

пташка, которая боится садиться на землю не меньше, чем лететь дальше. Наконец, женщина встает и смотрит на себя в зеркало.

Вот оно — рождение дракона, ее дракона. Он поднимается с основания поясницы и всего через несколько дней, когда будет полностью закончен, завершит свое восхождение на самой верхней точке шеи.

Она делает вдох и улыбается. Наконец-то она решилась.

Она пока еще не догадывается, что в какие-то моменты этот дракон будет просыпаться и она не всегда сможет его контролировать.

Она не знает, что это вовсе не она выбрала себе татуировку дракона: это он отыскал свое пристанище, нашел для себя тело, в котором смог наконец поселиться и ожить.

НЕВИДИМКА

Опять со мной происходит то же самое.

Я просыпаюсь от того, что весь дрожу, сердце колотится, будто вот-вот выпрыгнет из тела, и кажется, что на груди сидит огромный слон.

Иногда мне так тяжело дышать, что я боюсь задохнуться, если не открою рот пошире.

Хорошо, что теперь я знаю, как поступить. Мне объяснили это в первый же день, когда я попал сюда. Ну, ладно, в третий, поскольку про первые два дня я вообще ничего не помню.

Нужно начать считать от одного до десяти и одновременно медленно дышать, стараясь, чтобы понемногу тело успокоилось, сердце вернулось на место и слон убрался восвояси.

Один, два, три... вдох и выдох.

Четыре, пять, шесть... вдох и выдох.

Семь, восемь, девять и десять, вдох и выдох...

И все сначала.

И еще важно, чтобы, просыпаясь, я не впадал в панику. Как мне сказали, я должен напомнить себе, что нахожусь

в безопасном месте и у меня нет причин нервничать... чтобы не повторилась опять первая ночь, когда, открыв глаза, я испугался и начал кричать.

Именно так я и делаю: стараюсь не пугаться и жду, пока глаза начнут различать окружающий меня свет, пока этот свет поможет разглядеть то, что находится рядом.

Один, два, три, вдох и выдох...

Четыре, пять... вдох и выдох...

Шесть, семь...

Похоже, действует — я уже не дрожу, сердце стучит медленнее и слон, который сидит у меня на груди, начинает подниматься.

Я лежу спокойно.

Уже успокоившись, я начинаю различать отдельные звуки: шаги где-то вдалеке, очень неторопливые... словно ноги движутся отдельно от тел; голоса, шепот, непонятные слова; странные звуки, которые напоминают сдерживаемый плач, как будто люди стараются спрятать его за ладонями; иногда тишину, а иногда чьи-то крики... и еще тысячу других звуков.

И среди всех этих звуков есть один мой. Он неустанно раздается внутри меня. Это похоже на громкий сигнал, такой пронзительный, будто огромная игла пронизывает мою голову от уха до уха. Он огромной волной накатывает на меня, а потом отступает. И так целый день. Хотя больше всего он мешает мне по ночам, когда все вокруг замолкает.

Один, два, три... вдох и...

Перестаю считать, потому что кажется, что мне уже лучше.

Теперь, когда внутри все успокоилось и я понимаю, где нахожусь, я начинаю двигаться. И в этот момент приходит боль.

Я шевелю пальцами, медленно сжимая и разжимая кулаки: сначала на левой руке, потом на правой, потом обе ладони вместе. Я пытаюсь подвигать шеей и чувствую боль, невыносимую боль, но все же стараюсь понемногу поворачивать голову в разные стороны.

Продолжаю.

Начинаю шевелить ногами: сначала левой, потом правой...

Пытаясь согнуть правую ногу, я вдруг понимаю, что чья-то лежащая на ней рука не позволяет мне этого сделать.

Я снова впадаю в панику.

Начинаю дрожать.

Слон опять вернулся.

Один, два, три... вдох и выдох.

Четыре, пять, шесть... вдох и выдох.

Семь, восемь, девять...

Пытаюсь распрямить ногу, но чья-то рука не позволяет этого сделать.

Стараюсь изо всех сил вспомнить, что происходит: почему эта рука вообще здесь, почему я постоянно слышу этот оглушительный звук, почему я в постели, почему иногда у меня ощущение, будто я нахожусь под водой и тону...

Взглядом ищу на противоположной стене небольшие часы, чьи цифры можно рассмотреть даже в полной темноте: 02:14. Приблизительно как и в прошлые ночи. Похоже, что, несмотря на все таблетки, я не могу спать больше трех-четырех часов подряд.

Но дела явно идут на поправку, грех жаловаться: я уже не кричу, когда просыпаюсь, уже не плачу от боли при каждом движении и намного быстрее вспоминаю, где вообще нахожусь. А самое главное: люди теперь видят меня.

Думаю, что с момента, когда все случилось, я больше не могу быть невидимкой. Возможно, удар изменил что-то внутри меня, а может, суперспособности уходят так же

Элой Морено

незаметно, как и приходят. Я уже пять дней здесь, и пока стать снова невидимкой не получилось.

Попробую немного поспать, хотя бы часок. Потому что один час тоже очень важен.

Закрываю глаза.

Считаю от одного до десяти.

Дышу медленно.

Пока чья-то рука продолжает сжимать мою ногу.

РУКА С СОТНЕЙ БРАСЛЕТОВ

В то время, пока тот, кто раньше был невидимкой, пытается заснуть, примерно в пяти километрах от него, в небольшой комнате, расположенной где-то внутри шестизэтажного здания, просыпается рука, украшенная множеством браслетов. Вместе с ней просыпается и все тело.

Вот уже пять дней она не может спать спокойно. С того момента, когда все произошло. Она по-прежнему принимает лекарства, и они по-прежнему не помогают.

Она просыпается ночью от какого-то нервного сна, начинает бродить по комнате, не переставая смотреть в окно, вглядываться в это черное небо. Такое же черное, как ее совесть сейчас.

Вот уже пять дней жизнь течет перед ней, как будто в тумане, будто пелена из слез превратилась в очки, которые она надела и никак не может снять. Вот уже пять дней она пишет письма о своей любви — они начинаются с ярости и заканчиваются ненавистью. Письма о любви, которые, возможно, никогда не дойдут до адресата, а так и останутся между мусорным ведром и забвением.

Она смотрит на экран мобильного телефона, предательски молчащего уже давно. Открывает фотографии и листает на несколько месяцев назад, чтобы отыскать те снимки, которые сейчас больше всего ее интересуют.

Вот первая, где они, все трое, весело улыбаются на пляже.

Вот вторая, где он, уже один, подмигивает ей издалека.

Вот еще одна, сделанная не так давно, во время его последнего дня рождения, где он задувал свечи с такой силой, что почти улетел сам торт.

И четвертая, и пятая, и еще, и еще, и еще... Чем быстрее палец скользит по экрану, тем сильнее подступают слезы и ярость, и чувство беспомощности, и боль... потому что в конце концов она неизменно возвращается.

Она бросает телефон на пол в тщетной попытке исправить прошлое. А потом падает на кровать.

Именно в этот момент, оказавшись в плену простыней и боли, она наконец принимает решение, которое вынашивала в себе уже несколько дней.

Опять меня будит этот жуткий сигнал в голове, как будто кто-то поместил огромный гудок прямо в мое ухо и не перестает гудеть в него.

Я подношу руки к голове, изо всех сил стараюсь заткнуть уши, закрываю глаза и широко открываю рот, насколько это возможно... Но сигнал продолжает греметь у меня внутри.

Медленно дышу, пока не начинает казаться, что все проходит. Похоже, что звук затихает, но это не так: он лишь прячется, чтобы снова разбудить меня, как только я засну.

Открываю глаза.

Смотрю на противоположную стену: 06:26.

Думаю, что сегодня уже не засну.

Я помню все, что происходило в течение нескольких недель до случившегося, и ничего из того, что было потом. Иногда ко мне возвращаются странные ощущения: будто я тону, захлебываясь водой, будто лечу по небу, будто внутри меня все горит, будто мое нутро заполняет невыносимый гул...

А затем я очнулся здесь, на этой кровати, в этой комнате, и мне сказали, что я проспал целых два дня.

Но то, что было до того... я помню абсолютно все и понимаю, как кардинально изменилась моя жизнь за какие-то несколько месяцев. Эта жизнь напоминала американские горки, их виражам не было ни конца ни края, но они в одночасье оборвались пять дней назад.

С того момента люди не переставали навещать меня. Ко мне заглядывали друзья: и те, что всегда были рядом, и те, о существовании которых я даже не догадывался. Ко мне в несметном количестве приходили родственники, хотя часть из них я до этого не видел ни разу в жизни.

Но самое главное — меня стали навещать люди, которые раньше меня не видели, но, узнав, что я стал героем всех новостей, решили лично удостовериться в том, что я перестал быть невидимкой.

И конечно, приходит много журналистов, включая тех, что работают на телевидении, но им не разрешают общаться со мной. Я знаю, что обо мне пишут и говорят постоянно: в газетах, на радио, в телевизионных программах... но слушать и смотреть все это мне не разрешают. Для меня доступ закрыт.

Странно, но именно теперь, когда я перестал наконец быть невидимкой, я ощущаю себя еще более потерянным.

06:46.

В окно начинают пробиваться первые лучи, а это означает, что жизнь вокруг закипит с новой силой. И только я по-прежнему буду здесь, еще один день. И рука, сжимающая мою ногу, или руку, или ладонь, тоже останется тут, в этом я могу быть уверен.

ЛИЦО СО ШРАМОМ НА БРОВИ

В одной из комнат квартиры, расположенной в центре города, часы так же показывают 06:46. Там в кровати ворочается тело, которому сон дается с таким же трудом, как и бодрствование. Угрызения совести.

Тело встает, не проронив ни звука, заходит в ванную и смотрит на свое отражение в зеркале — на правую бровь, где виден небольшой шрам. Дотрагивается до него и вспоминает, откуда он взялся: уже два года, парк, два велосипеда, гонка.

От этого воспоминания на глаза наворачиваются слезы, потому что последние несколько месяцев эта небольшая метка на лице была единственным, что их связывало.

Он выходит из ванной и снова возвращается в кровать.

Эти пять дней прошли в жутких сомнениях: сказать уже что-то или прикусить язык, как было всегда. Что это: трусость или просто желание выжить?

Он, конечно, ходил к нему в больницу, но они едва поговорили. Все выглядело как-то неловко, будто ты вновь

повстречался с тем, с кем никогда не расставался Странное ощущение.

После стольких лет дружбы, встретившись сейчас, они вдруг не знали, как посмотреть друг на друга: все было по-прежнему, но слова почему-то не находились.

— Привет, — произнес он с трудом, пытаясь скрыть впечатление, которое на него произвела побритая голова, раны на лице и зонд на его руке.

— Привет, — ответил тот.

— Ты как? — спросил он снова тоном человека, рассуждающего об очевидных вещах: что до неба не достать, что снег белый, а зимой бывает холодно.

— Ну, лучше немного...

— Вот, я тебе принес, — и тело со шрамом на брови протянуло сверток.

— Спасибо, — ответил тот, медленно его распаковывая.

Повисла гробовая тишина, которую несколько бесконечных минут нарушало лишь шуршание упаковочной бумаги. Неловкое молчание, окончания которого всегда ждешь и никогда не знаешь, как его прервать.

— Кажется, таких у тебя еще нет? — наконец спросило тело со шрамом на брови.

— Нет, таких у меня нет, спасибо большое, — соврал тот, рассматривая содержимое пакета.

Снова смотрю на эту руку, которая не перестает держать меня все пять ночей, пока я здесь.

Думаю, она не отпускает меня, поскольку все еще боится, что в один прекрасный миг я снова стану невидимкой и она уже не сможет меня найти. Держа меня вот так, за ногу, она, по крайней мере, четко знает, где я.

Мне и самому нужна эта рука. Именно поэтому, когда я ощущаю ее на себе каждую ночь, мне сначала становится страшно, а потом я понимаю, что нуждаюсь в ней. Мне нужно знать, что, если я вдруг снова исчезну, хотя бы кто-то будет знать, где меня искать.

Достаю свою руку, кладу поверх той руки и ощущаю тепло ее кожи, сжимаю ее крепко, чувствую, как в пальцах бьется ее сердце... И тихонько говорю ей то, что никогда бы не решился сказать, если бы она не спала: «Мама, я люблю тебя».

МАТЬ

В палате находится не только мальчик, в один прекрасный день вдруг ставший невидимкой. Здесь еще и его мать, которая с того несчастного случая не перестает задавать себе один вопрос: в какой момент она перестала видеть собственного сына?

Вот почему ночь за ночью она держит на его теле руку, своего рода якорь, позволяющий им оставаться вместе. Как это было до его рождения, когда можно быть неразлучными, даже не видя друг друга. Потому что порой, находясь вместе на уровне ощущений, не обязательно видеть само тело.

Рука, которая так долго не могла до него дотянуться, теперь старается компенсировать свое отсутствие, закончившееся этим проклятым несчастным случаем.

В объятиях ночи мать плачет о том, что могло бы произойти. Ведь иногда лишь миллисекунды отделяют друг от друга жизнь и смерть, вчера и завтра, возможность разбудить своего заснувшего сына или навсегда занавесить пеленой своих слез его опустевшую кровать. Иногда

один лишь маленький импульс в сознании несет ответственность за то, какой она будет — картина будущего.

В тот день, когда это случилось, мать вышла из дома, даже не взглянув на него и не отдавая себе отчета, что для нее его тело давно слилось с домашней мебелью.

Она спит, но этот сон не приносит ей покоя. Хотя глаза ее закрыты, ее раны — внутренние раны — продолжают кровоточить в ожидании, что когда-нибудь шрам времени приглушит эту боль.

Несмотря на весь страх, пережитый несколько дней назад, когда, проснувшись, ее сын заявил, что он обладал сверхъестественными способностями, что он был невидимкой и летал на драконе... она может наконец улыбнуться, услышав, как этот ребенок тайно признается ей в любви в тишине ночи.

ДЕВОЧКА С СОТНЕЙ БРАСЛЕТОВ НА РУКЕ

Девочка с огромным количеством браслетов на руке встала с кровати, подняла с пола мобильный телефон и вытерла слезы рукавом пижамы.

С трудом переставляя ноги, она направляется в комнату родителей, чтобы сказать им, что она готова, хотя на самом деле это совсем не так.

Она идет босиком по холодному полу коридора, медленно открывает дверь и несколько минут наблюдает за двумя спящими телами, отвернувшимися друг от друга. Она подходит к той половине кровати, где спит мать, поскольку она расположена ближе к двери, и останавливается, прислушиваясь к дыханию: едва уловимому движению груди и тоненькому звуку, издаваемому выходящей из приоткрытого рта струйкой воздуха...

В этот момент раздается звонок будильника, заставляющий ее подпрыгнуть от неожиданности.

Она слегка нервничает, не зная, что делать: то ли бежать со всех ног, то ли будить...

— Дорогая, что ты тут делаешь? Что-то случилось? — спрашивает мать, чей сон как рукой снимает.

— Сегодня, — отвечает она.

Молчание.

— Ты уверена? — снова спрашивает мать, выпутывает руки из-под простыней и протягивает их к дочери, приглашая ее лечь рядом.

— Да, я готова.

— Что ж, значит, сегодня.

Мать чуть отодвигается, чтобы дочери со всеми ее братьями хватило места. Она знает, что девочка не готова, ни одна из них не готова к этому, но это будет сегодня.

Сегодня.

И вдруг ее рука отпускает мою ногу.

Я внимательно слежу за тем, как она пытается изобразить, будто зевает, как открывает глаза, глядит на меня и улыбается.

— Привет, малыш! — говорит она, и я ощущаю на своем лбу поцелуй, который кажется бесконечным. — Как ты сегодня спал?

— Лучше. Думаю, за всю ночь я даже ни разу не проснулся, — обманываю я.

И вижу, что моя маленькая ложь вызывает улыбку. Она обнимает меня.

— Что ж, вот и здорово, на один день меньше, — говорит она, с трудом поднимаясь на ноги.

Уже слышен звук тележек, развозящих завтрак, чей-то смех и еще чей-то плач, разговоры в соседней палате... Все начинается заново. Быстро, очень быстро, здесь все делается быстро. Быстро раздается завтрак, быстро раздастся обед, а за ним и ужин... вот только ночи почему-то тянутся бесконечно медленно.

Моя мама, как и каждое утро, провожает меня в туалет, что вызывает у меня чувство огромной неловкости. Она, конечно, ждет снаружи, но дверь остается полуоткрытой, чтобы зонд, соединяющий мою руку с аппаратом, не сломался.

Если надо сходить по-маленькому, еще куда ни шло, но вот когда дело доходит до другого... Тут я готов от стыда сквозь землю провалиться из-за этой открытой двери. Особенно когда у меня газы, а они бывают практически всегда из-за лекарств, которые я принимаю.

— Умойся там хорошенько! И наведи красоту, потому что сегодня к тебе придет гость! — кричит она снаружи.

Точно, гость, я и забыл совсем.

Такой неожиданный гость, что моя мать даже не решается назвать его имя.

Гость, который мне совсем не нужен, которого я не звал и видеть не хочу.

Провались оно все.

МАЛЬЧИК СО ШРАМОМ НА БРОВИ

— Кажется, таких у тебя еще нет? — сказал наконец мальчик со шрамом на брови.

— Нет, таких у меня нет, спасибо большое, — соврал его друг, рассматривая содержимое пакета: шесть или семь комиксов.

И на этом разговор двух друзей, которые еще несколько месяцев назад могли болтать часами, оборвался.

Наступила гробовая тишина, которую родители обоих поспешно заполнили дежурными фразами: «Что ж, похоже, ему уже лучше», «Да, уже лучше», «Уверен, что вы очень скоро поправитесь», «Ты очень сильный...».

Минут десять они продолжали этот неловкий диалог, то и дело проваливаясь в бесконечно длинные паузы и не зная, за что зацепиться взглядом.

— Ну, нам пора... выздоравливай поскорее, — сказала мама мальчика со шрамом на брови. Она мечтала уйти как можно скорей из страха, что разговор переключится на тему, о которой ей совсем не хотелось говорить.

— Спасибо, спасибо, что пришли, — ответила мама бывшего мальчика-невидимки.

Никто ни о чем не спрашивал, никто не проронил ни слова о несчастном случае, как будто каждый день любой ребенок может перенестись из домашней постели на больничную койку и это абсолютно привычно и естественно.

Никто об этом не говорил.

Одни родители молчали, потому что догадывались, что они могли реально что-то сделать, другие — потому что не сделали ничего, чтобы хотя бы догадаться.

Один мальчик молчал, потому что сделал все возможное, чтобы не замечать происходящего, другой — потому что понимал, что обвинять других, после того как ты сам решил стать невидимкой, просто нечестно.

ВИЗИТ

Конечно, я не забыл. Как я мог забыть о приходе этой гостьи?

Еще вчера вечером, сразу после ужина, родители завели один из этих неловких и трудных разговоров... Они оба очень нервничали, особенно мой отец, который начал говорить первым.

— Видишь ли, — сказал он, не глядя мне прямо в глаза, — завтра придет этот доктор... специальный.

— Еще один? — уточнил я.

— Да, еще один, но это уже не связано ни с ранами на лице, ни с ударом головы, ни с потерей памяти, потому что это уже более или менее начинает приходить в норму.

— Так кто же тогда? — спросил я уже в полной растерянности.

— Ну, это доктор, который занимается лечением других видов ран.

— Каких?

— Психологических травм.

— Так это психолог? — догадался я.

— Да, он самый, — признался отец.

— Но, пап, мам... — я смотрел на них в полном недоумении. — Ведь я не сумасшедший, — сказал я, теперь уже сильно нервничая.

— Конечно нет, дорогой, ты вовсе не сумасшедший, — ответила мама, крепко держа меня за руку. — Психологи помогают людям, с которыми произошло что-то плохое. Самое главное, чтобы ты рассказал доктору все, что тебе хочется сказать. Можешь говорить все что угодно, ничего не бойся.

— Все что угодно?

— Абсолютно все, чем тебе хочется поделиться, — повторила мама.

— А если мне ничем не хочется делиться?

— Послушай... не надо так, это для твоего же блага.

— Можно рассказать о своих суперспособностях?

— Расскажи все, что захочешь.

Этот последний ответ мне совсем не понравился: расскажи все, что захочешь... Ей осталось добавить: даже если ни одному твоему слову не поверят, даже если будут думать, что ты свихнулся.

На этом неловкий разговор закончился, и мы больше не возвращались к этой теме. И вот теперь меньше чем через час «специальный доктор» придет на меня посмотреть.

Я довольно сильно нервничаю. Я понятия не имею, что этот доктор хочет узнать, какие вопросы будет мне задавать и захочу ли я вообще отвечать на них.

Потому что правда — не всегда лучший вариант. Особенно если она настолько невероятна, что ее легко принять за ложь.

Так что я буду врать. Не то чтобы врать, просто не стану рассказывать ни о чем, что со мной произошло. Я не буду говорить, что все мои суперспособности проявились в тот день, когда я превратился в человека-осу. О том, что могу дышать под водой столько времени, сколько захочу, бегать с такой скоростью, что люди улавливают лишь проносящийся мимо ветер. И, конечно, не скажу, что на спине у меня есть панцирь — как у черепашки-ниндзя, — который защищает меня от ударов, что я могу предугады-

вать движения людей и превосходно видеть в темноте... Ведь мне все равно не поверят и будут думать, что я сумасшедший.

Думаю, лучше всего притвориться, что со мной все нормально, абсолютно нормально.

И еще я не расскажу о своей способности вычислять монстров, чувствовать их, когда они прячутся за дверью, под столом или между припаркованными машинами...

Безусловно, я не буду говорить о моей самой главной суперспособности, которая и привела меня сюда: о том, что путем упорных тренировок я смог в один прекрасный день стать невидимкой. Хотя, возможно, об этом доктор уже знает из последних новостей.

В дверь стучат.

Уверен, что это он.

Даже не представляю, что ему говорить.

ОНА

В итоге это оказался не доктор, а докторша.

И это меня еще больше смутило, потому что она была очень симпатичной. А я стоял перед ней как есть: в убогой больничной пижаме, без волос на голове и со шрамами на лице...

Она вошла улыбаясь, представилась и, поговорив несколько минут с моими родителями, осталась со мной один на один.

Села в кресло, на котором каждую ночь спит моя мама.

Сначала объяснила мне, что она психолог и чем вообще психологи занимаются.

Я слушал, не говоря ни слова, пока она не спросила, есть ли у меня какие-то сомнения или вопросы. И тогда, сам не знаю почему, я выдал:

— Я не сумасшедший.

Как только последний звук сорвался с моих губ, я об этом пожалел, потому что, думаю, такие слова обычно служат лучшим подтверждением обратного.

Между нами повисло молчание, которое казалось бесконечным.

Она посмотрела на меня пристально, а затем вдруг засмеялась.

— Нет-нет, я знаю, что ты не сумасшедший, — ответила она, улыбаясь. — Мы, психологи, помогаем и нормальным, абсолютно нормальным людям, так что об этом даже не переживай.

— Ну так значит я, нормальный, — ответил я.

— Что ж, хорошо, а нормальный — это какой? — снова спросила она.

— Очень-очень нормальный, ну, по крайней мере, всегда был таким, пока не научился превращаться в неви...

— Превращаться в кого?

И тут я замолчал.

МАЛЬЧИК С ДЕВЯТЬЮ С ПОЛОВИНОЙ ПАЛЬЦАМИ

Пока бывший мальчик-невидимка общается в своей палате с психологом, в одной из комнат квартиры, расположенной на окраине города, другой мальчик, с девятью с половиной пальцами на руке, лежит в кровати.

Он думает сейчас о том, о чем не переставал думать последние несколько месяцев. Он думает о последствиях и начинает догадываться, что они неизбежно наступают вслед за поступками.

Он напуган, как никогда в своей жизни, хотя не признается в этом. Сила его характера старается убедить его в обратном: что ему совершенно все равно, но это не так.

Он часами напролет смотрит в потолок, как будто там, на белой поверхности, он может отыскать решение всему, что случилось.

Садится на кровать, разжимает кулаки и смотрит на свои пальцы. Он не может избавиться от этой привычки вот уже много лет, хотя проявляется она только тогда, когда он остается один. Ему никогда бы в голову не пришло разжать кулаки в школе, перед всеми остальными.

Девять целых пальцев и один, которому не хватает половины.

А вот шрамом на груди, прямо под сердцем, он любит похвалиться. И тут уже не важно, что шрам довольно большой: ему кажется, что с ним он выглядит более крутым и брутальным. Возможно, через несколько лет он украсит его татуировкой.

— Нет, ничего. Просто я нормальный, — продолжил я, — как и все остальные нормальные люди. Я не высокий, как жираф, и не маленький, как хоббит, не толстый, как сарделька, и не худой, как макаронина... ну, в общем, нормальный.

Мне кажется, я минут двадцать старался объяснить, в чем заключалась моя нормальность, сравнивая себя с одноклассниками.

Сказать по правде, еще несколько месяцев назад меня можно было смело считать самым нормальным из нормальных. Любой, кто наблюдал бы за мной какое-то время, не нашел бы ни одной черты, которая заслуживала бы особого внимания окружающих.

Например, я не ношу очки и зрение у меня почти идеальное — я вижу даже самую маленькую букву на доске практически из любой точки класса. А после того случая с осиным гнездом я заметил, что зрение у меня стало намного лучше, чем у других людей: я могу различать с дальних расстояний вещи, которых больше никому не разглядеть, а еще умею видеть в темноте. У меня есть и такая способность... но, конечно, об этом я не говорю ни слова.

Я не ношу всякие металлические приспособления на зубах: ни маленькие, ни большие, как были у Вилли Вонка а детстве. Правда, у меня два передних резца немного велики и кривоваты: левый смотрит вправо, а правый — немного влево, но это почти незаметно, а когда рот закрыт, так и вообще не видно. С закрытым ртом я это замечая, когда там застревают кусочки еды, и я несколько минут шевелю языком, чтобы достать их оттуда.

Так что я нормальный, такой нормальный, что даже представить себе не мог, как со мной случится то, что случилось, и как за короткий срок я превращусь из кого-то обычного в кого-то настолько... особенного. Я вполне себе нормальный практически во всем — я говорю «практически», потому что у меня все-таки есть один недостаток, но об этом я ей не расскажу.

Это немного странный недостаток, поскольку о его существовании я ничего не знал... Вернее, так: я знал, но не думал, что это считается недостатком. А оказалось, что считается, и в зависимости от того, где он проявляется, он может быть очень большим.

Этот недостаток сразу не различить. Чтобы о нем узнать или его заметить, надо провести со мной какое-то время, возможно целый день, и то сразу не догадаешься. Хотя я быстро понял, что это недостаток. Он влияет на очень многие вещи в моей жизни: на то, как я говорю, как пишу, как общаюсь с остальными... Недостаток, из-за которого, в общем, я и оказался на больничной койке.

ДЕВОЧКА С СОТНЕЙ БРАСЛЕТОВ НА РУКЕ

Браслеты не перестают двигаться на ее руке.

Она сидит на диване, глядит — не видя — на часы в своем мобильном телефоне, притворяется, что смотрит телевизор, хотя на самом деле ее мысли витают где-то очень далеко.

Она еще не знает, что ему сказать, но точно уверена, что хочет пойти и встретиться с ним сегодня, хотя внутри все умирает от страха, хотя все ее тело дрожит, когда она заходит в палату, хотя слова не выходят изо рта, хотя ее сердце разбивается на мелкие осколки... Но она должна пойти и встретиться с ним. Дальше так продолжаться не может, у нее больше нет сил сидеть запершись в своем доме, а главное — в своих мыслях.

Сейчас он стал снова видимым, но вдруг так будет не всегда? Вот почему она так торопится увидеться с ним: вдруг он опять превратиться в невидимку и она уже не сможет сказать ему все, что происходит у нее внутри?

Снова смотрит на экран мобильного телефона.

Уже скоро, уже сегодня днем.

Пересматривает фотографии, на которых они вдвоем, но вроде как не вместе. И теперь, когда она почти потеряла его, присмотревшись внимательнее к снимкам, она вдруг понимает, что везде и всегда их взгляды — и их улыбки — пересекались.

Она хватается за карман брюк, чтобы убедиться, что письмо, которое она писала столько дней, все еще там. Единственное, чего она не знает, так это хватит ли ей сил его отдать.

Она нервничает.

Очень.

И пока она не готова к этому, но сейчас она об этом, конечно, не знает.

Еще я ничего не рассказываю ей о моей способности становиться невидимым. Хотя она об этом наверняка слышала, ведь это показали по всем новостным каналам. Вернее, она знает саму историю, поскольку по закону о защите несовершеннолетних мое лицо по телевизору показывать нельзя.

На этом все, мы больше ни о чем таком не говорили. Она сказала, что сегодня мы просто познакомились друг с другом, а завтра встретимся снова и что впереди нас ждет еще много дней, когда мы сможем поговорить, даже после того, как я выпишусь из больницы.

Не знаю, хочу ли я разговаривать так много, особенно с человеком, которого практически не знаю, тем более что этот человек — женщина, к тому же такая красивая. И главное: она психолог, а я вовсе не сумасшедший.

Она встала, попрощалась со мной до завтра и поцеловала меня в щеку.

А когда дверь за ней закрылась, мне почему-то вдруг сильно захотелось плакать.

Я слышу, как мои родители разговаривают с психологом за дверью, но не понимаю, о чем идет речь. Думаю, они нарочно говорят шепотом, чтобы я ничего не смог разобрать. Тем не менее, я знаю, что много раз подряд было произнесено слово «время». Время, время, время...

Потом они прощаются, и дверь в мою палату снова открывается.

Мама подходит ко мне и, посмотрев мне в глаза, крепко обнимает. Она ничего не спрашивает, просто крепко сжимает меня в своих объятиях.

Они не понимают до конца, что произошло. С самых первых минут они все воспринимали как несчастный случай, и я старался подыграть им. Я воспользовался частичной потерей памяти, которой страдал в первое время, чтобы притвориться, что многого не помню. Но беда в том, что я помню, прекрасно помню все, что происходило до этого несчастного случая.

Они не решаются спросить меня сами и для этого позвали психолога. Я маленький, но не глупый.

Проблема в том, что внутри меня живет ощущение, которое мне совсем не нравится: как будто я проглотил маленького ежика, он становится все больше и больше и бегаёт по всему телу, от головы до пяток. Ежик, от которого жутко болит в животе всякий раз, когда я говорю неправду, когда я что-то скрываю.

И больше так продолжаться не может, я больше так не могу.

Я столько думаю о том дне... и до сих пор не могу понять, почему именно в тот момент я перестал быть невидимкой. Может, из-за дождя? Может быть, но все же...

Вот уже несколько дней один папа и одна мама задают бесконечный вопрос: что же случилось на самом деле? Им известна версия, официальная версия, которую они рассказывают всем, озвучивают родственникам, друзьям, журналистам... версия, в которой они сами сомневаются, но заставляют себя в нее поверить: это был несчастный случай, но, к счастью, все обошлось.

Но эти отметины на спине? В них вообще нет никакого смысла, они никак не укладываются в общую схему несчастного случая. Их так много, и, что самое главное, им не один день.

Они пока не решаются ни о чем его спрашивать, не знают, как подойти к этой теме. Возможно, они не готовы услышать ответы. Поэтому они прислушались к советам и передали все в руки психолога, чтобы тот смог добраться до истины.
